

26 АВГ 44г

Ю. КАЛАШНИКОВ

Накануне возвращения

Пришли гастроль 2-го Белорусского драматического театра в Москве. Театр вернулся на свою временную базу, в Орехово-Зуево, откуда ему лежит путь в родные края, освобожденные Красной Армией от гитлеровских захватчиков.

Эти гастроли как бы подводят итоговую черту тому, что сделал театр в первые годы войны, когда он был временно оторван от своей сценической площадки и привычного зрителя. Опыт его интересен потому, что для всех театров, которые в свое время эвакуировались на восток, период вынужденных странствований был серьезной и всеобщей проверкой их творческой жизнеспособности, и только те из них, кто выдержал эту проверку, могут сегодня вернуться в родные города, не краснея за себя и за свое искусство.

Две черты характерны для творческой деятельности 2-го Белорусского театра — стремление работать над большой народной, патристической темой и стремление сохранить своеобразие и богатство своей национальной формы, оставаясь при этом близким и понятным своей новой аудитории.

Белорусский театр показал в Москве два спектакля: «Нестерка» В. Вольского (режиссер Н. Лойтер) и «Заложники» А. Кучара (режиссер А. Мидкевич). Они различны по материалу и жанру. «Нестерка» воплощает поэзию белорусского народного творчества, его лирику и юмор. Это своеобразное действие — полусказка, полубыль, которое трудно подвести под жанровые каноны современного театра. «Заложники» переносят нас в современность, в стан белорусских партизан, уявляющих арга. Этот спектакль стремится к точности, почти документальности событий. И одна-ко общность этих спектаклей, пожалуй, важнее, чем их бросающиеся в глаза различия. А общность их по внутреннему духу, по устремленности несомненна.

Главная цель этих спектаклей — создать образ белорусского народа,

в дореволюционном прошлом утверждавшего свое право на жизнь, в Отечественной войне отстаивающего уже завоеванную счастливую советскую жизнь от посягательства фашистских захватчиков. Поэзия «Нестерки» переключается с суровым драматизмом «Заложников». Так народная тема становится главной темой театра. Нельзя не пожелать хороших успехов театру на этом пути.

В насыщенных народных песнями и плясками, одетом в оправу узорчатого народного орнамента спектакле «Нестерка» основой его поэтического строя является образ главного героя, Нестерки (нар. арт. БССР А. Ильинский) — душа спектакля, его жизнедеятельное начало. Нестерка лукав и сметлив. В его наметках — чувство внутреннего превосходства над спесивым помещиком и жадным судьей. Лукавство его нередко рядится в простодушие и наивность, но лишь для того, чтобы успешнее добиться желанного. Это не лукавство и хитрость Фигаро, ибо характер Нестерки лишен эгоистического, индивидуалистического начала. Лукавство Нестерки неотделимо от его доброты и отзывчивости. Он живет для других. Он добывает счастье молодого влюбленного пары — бедняку Юрасю и дочке гонимых Несте, не думая о собственной выгоде. Он движим стремлением к справедливости, особым, глубоко народным чувством правды.

И характерно. Нестерку никто специально не благодарит за его усилия, за его победы. Этого не нужно. Наградой ему и всем — общая ликующая радость, выраженная в пляске, хороводе, песне, в которых Нестерка с увлечением участвует. Так решено четвертое действие спектакля — женитьба Нести и Юрася.

Ильинский играет с задором и увлеченностью и так, что зрители не замечают. И потому Нестерка не отражен объективно. Его «братчишко», обращенное в зрительный зал, уносясь, как приветствие, как друже-

ское напутствие. Кажется, еще до начала спектакля Нестерка был в числе ваших знакомых, и притом наиболее близких. После открытия занавеса нужен ничтожный срок, чтобы Нестерка, как обычно говорят, был «принят» зрителем. И зритель ни на миг не разочаровывается в нем впоследствии.

Врагов Нестерки: помещика — дурака и пьянчугу; мнимо-ученого «школяра» Самохвалского, трусливого и наглого претендента на руку Нести; корыстолюбивого судью — в спектакле обличают так, как это делается в народных сказках. Они — предмет уничтожающей издевки. Характеристика их скупа до предела. Поэтому помещик (засл. арт. БССР В. Звездочетов) весь выявляется в глупо-неуклюжей, шаржированной короткой песенке, которой сопровождается каждый выход его и уход. Самохвалский (засл. арт. БССР Сергейчик) прикрывает глупость и трусость набором «ученых» слов, внешней вычурностью манер — и только. Эти карикатуры точны и закончены и помогают оттенить веселую находчивость Нестерки, создавая буффонное начало в спектакле.

Если бы была взята более высокая лирическая нота в драматическом дуэте Нести и Юрася (арт. Шелест), можно было бы говорить о редкой гармоничности театрального зрелища.

Лирическая пара спектакля не вполне оправдывает смысл стольких усилий Нестерки — их любовь звучит как бы воплоти, показана несколько монотонно, кажется обыденной. Спектакль терпит от этого урон, трудно восполнимый.

Режиссер определил жанр спектакля, как условное действие. Легко сосчитать, лирические и комические куски в таком спектакле, легко, не вызывая упрека в произвольности, монтировать песню и пляску. И тем не менее все здесь служит цели — раскрыть жизнь, разобраться в людях. Условность — здесь прием, а не способ избавиться от жизни, пруды

характера. Мешает лишь подчас излишняя сдержанность режиссера, его преднамеренный аскетизм. Образы народной поэзии могли быть выражены еще богаче и интенсивнее.

«Заложники» — скорее заявка, интересная и многообещающая, чем полноценное осуществление замысла. Великая борьба и победы партизан Белоруссии еще ждут драматурга. Свою первую пьесу А. Кучар, в прошлом литературный критик, а ныне работник армейской печати, задумал как широкую картину жизни. Он стремился к воссозданию борьбы партизан в оккупированной врагом Белоруссии в ее многообразии. Он хотел показать волевого командира партизанских войск батю Миня, сложность его человеческой судьбы; показать таких людей, как брат Миня Ничипор, которые вначале оставались в стороне от борьбы, а потом логикой событий должны были стать ее активными участниками; показать арга и его методы насилия и демагогии. Он хотел передать разнообразие партизанского войска, объединяющего и доцента литературы и полуграмотного крестьянина-патриота Шибанка.

Все это не уместилось в несколько рыхлой композиции многоэпизодной пьесы. И поэтому многое осталось недоговоренным, появились неясности и противоречия. Некоторые образы и мотивы получили неточное воплощение. В памяти зрители запечатлеваются лишь отдельные эпизоды и актерские штрихи, хотя режиссура спектакля, несомненно, интересна и талантлива.

Одна из удач спектакля — фигура Шибанка: исполнителю этой роли нар. арт. БССР П. Молчанов нашел для своего героя колоритные черты. Шибанок имеет «крику» (обиду) на советскую власть: его осудили в свое время за случайный хулиганский поступок. Но немцам не удалось завербовать его. Он убежал в лес к партизанам, чтобы быть, как Степка Разиня. Там он обнаруживает прекрасные качества души. Он — хороший друг, нестен и прямодушен, убежден в победе над врагом, не жалеет себя в борьбе. И ему охотно подчиняются и доцент и судья,

который когда-то должен был осудить Шибанка. Похожий на взвешенного, задорного летуха, Шибанок говорит, как бы запынаясь и заикаясь, подчеркивая несколько неожиданным, выразительным жестом смысл дальнейших слов. Почти скульптурная четкость образа доставляет подлинную радость.

С появлением Шибанка врывается в спектакль стихия юмора, и здесь театр иногда теряет чувство меры: забывается напряженность и суровость изображаемой обстановки.

Но все же сцены в партизанском стане, как и первая картина спектакля (приход немцев), — наиболее сильные части спектакля.

Сложная, противоречивая судьба Миня получила в спектакле одно-стороннюю, акцентированно-мелодраматическую разработку. Миня переживает известие о грозящей гибели его детей, как безвольный, сентиментальный человек, переживает долго и подробно. Его душевный перелом, решение остаться в отряде переданы сухо и несколько формально. Все это явно противоречит общему душевному складу героя, каким мы знаем его в жизни и каким задумал его автор.

Образ Ничипора (засл. арт. БССР Сергейчик) намечен только контурно.

О партизанах хотелось бы узнать из спектакля гораздо больше. Сцен в лесном стане мало, а в дальнейшем партизаны участвуют лишь в обычной для «партизанских» пьес батальной сцене захвата деревни.

И все же обращение театра к современной теме плодотворно. По-настоящему углубить и утвердить свое искусство он сможет прежде всего на материале современности.

У Белорусского театра — зрелая режиссура, талантливые актеры, верное направление. Все это сулит творческие победы в будущем — при одном условии: никогда не успокаиваясь на достигнутом, требовать от себя все большего и большего. Этот нравственный закон советского художника театр должен особенно твердо помнить на нынешнем важном рубеже своей творческой жизни — накануне возвращения в родные места, где с новой силой расцветает белорусское народное искусство.